

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ
НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ
(К ВОПРОСУ О СЛАВЯНСКОМ РАССЕЛЕНИИ)**

Начало широкого археологического изучения погребальных памятников центральных районов Новгородской земли связано с именем известного археолога-слависта З. Я. Ходаковского, осуществившего в 1820—1821 гг. поездку по северо-западным областям России, во время которой им была впервые дана характеристика городищ в окрестностях Ладоги и Новгорода, а также сделаны описания сопок и проведены их раскопки. В число исследованных Ходаковским погребальных памятников входят знаменитая сопка в д. Волотово близ Новгорода, насыпанная новгородцами, как гласит предание, над могилой легендарного старейшины Гостомысла, а также две сопки в Ладоге — одну из которых Ходаковский раскопал сам, а в раскопках второй, предпринятых местным помещиком Томиловым, принимал непосредственное участие.¹

В дальнейшем сведения о древностях Новгородской земли продолжали постоянно пополняться, причем особенно широкий размах археологические исследования приобрели начиная с 70-х гг. XIX в. В 1897 г. их первые итоги были со всей тщательностью подведены патриархом славяно-русской археологии А. А. Спицыным в его известном своде «Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении». При характеристике древностей Новгородской, Псковской, Петербургской и Тверской губерний Спицын не только привел полную библиографию работ, в которых рассматривались археологические памятники интересующего нас района, но и сделал первое обобщение накопленного материала, а также наметил важнейшие вопросы, требующие в первую очередь своего решения.²

Не повторяя вслед за А. А. Спицыным весь перечень опубликованных работ и предпринятых раскопок, все же отметим, что наиболее значительные по своему размаху исследования в области изучения славяно-русских древностей были осуществлены в 1872—1885 гг. на Ижорском плато Л. К. Ивановским, раскопавшим почти 6 тыс. курганов и жальников XI—XIV вв.³ Следует

¹ Отрывок из путешествия Ходаковского по России. — РИС, М., 1839, т. 3, кн. 2, с. 146—149, 171—174; Донесение о первых успехах путешествия в России Зоряна Долуга-Ходаковского. — РИС, 1844, т. 7, с. 371—375.

² Спицын А. А. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Новгородская губерния, Псковская губерния, С.-Петербургская губерния, Тверская губерния. — ЗРАО, СПб., 1897, т. 9, в. 1 и 2, с. 237—256, 268—293.

³ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, СПб., 1896, № 20.

выделить и раскопки Н. Е. Бранденбурга 1878—1884 гг. в юго-восточном Приладожье и в низовьях Волхова, во время которых было исследовано около 150 различного рода погребальных памятников, в том числе и огромных волховских сопок.⁴

А. А. Спицын и впоследствии продолжал собирать материалы для очередного обзора памятников Северо-Запада России. В фонде Археологической комиссии в Архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР сохранились его рукописи новых обзоров древностей Новгородской, Псковской, Петербургской и Тверской губерний, относящиеся, судя по использованной литературе, к периоду 1905 и 1910—1911 гг. и содержащие не только дополнительные сведения по сравнению с его сводной работой 1897 г., но и иную интерпретацию некоторых ранее раскопанных объектов и отдельных проблем.⁵ К сожалению, эти рукописи Спицына остались неизданными и почти забыты исследователями. В дальнейшем же подобные своды никем не составлялись.

Непосредственные археологические раскопки и обследования погребальных памятников Новгородской земли, осуществленные в конце XIX—начале XX в. и не вошедшие в опубликованный свод А. А. Спицына, связаны с именами В. Н. Глазова, Н. К. Рериха, В. Н. Крейгопа, А. И. Колмогорова, К. В. Кудряшова, П. Г. Любомирова, Н. И. Репникова, П. А. Садикова, А. В. Тищенко, К. Д. Трофимова, Л. Н. Целепи.⁶ Трудно оценить неудо-

⁴ *Бранденбург Н. Е.* Курганы южного Приладожья. — МАР, 1895, № 18.

⁵ *Спицын А. А.* Сводки сведений о древностях Новгородской, Петербургской, Псковской и Тверской губерний. — Архив ЛОИА, ф. 5, д. 171, 176, 181, 193.

⁶ *Спицын А. А.* 1) Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. — МАР, 1903, № 29; 2) Отчет В. Н. Глазова о раскопках, произведенных в 1899 г. в Псковском уезде. — ЗОРСА, СПб., 1903, т. 5, в. 1; 3) Раскопки В. Н. Глазова близ погоста Лабуты. — ИАК, СПб., 1905, в. 15; *Глазов В. Н.* 1) Список старинных могильников, жальников, отдельных курганов, городищ и других памятников древности Гдовского уезда. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1899, д. 50; 2) Отчет о раскопках, произведенных в 1900 г. в Опочечском и Новоржевском уездах. — ЗРАО, 1901, т. 12, в. 1—2; 3) Отчет о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901 и 1902 гг. — ЗОРСА, 1903, т. 5, в. 1; 4) Отчет о поездке 1903 г. в Крестецкий у. Новгородской губ. — ИАК, 1904, в. 6; *Рерих Н. К.* Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца. — ЗРАО, 1899, т. 11, в. 1—2; Раскопки художника Н. К. Рериха в Петербургской губернии в 1895—1898 гг. — Там же; *Рерих Н. К.* 1) К древностям Вагдайским и Водским. — ИАК, 1901, в. 1; 2) Экскурсия Археологического института 1899 г. в связи с вопросом о финских погребениях в С.-Петербургской губернии. — Вестн. Археол. ин-та, СПб., 1901, т. 13; 3) Некоторые древности пяти Деревской и Бежецкой. — ЗОРСА, 1903, т. 5, в. 1; *Крейгоп В. Н.* 1) Археологические разведки и раскопки в Псковской губ. в течение лета 1912 г. — Труды Псковск. археол. о-ва, 1913, в. 9; 2) Археологические разведки и раскопки в Псковской губ. в течение лета 1913 г. — Труды Псковск. археол. о-ва, 1914, в. 10; *Колмогоров А.* Тихвинские курганы. — Труды XV археол. съезда, М., 1914; *Кудряшов К.* Отчет о раскопках 1911 года в Гдовском уезде С.-Петербургской губ. — ЗОРСА, 1913, т. 9; *Любомиров П.* Отчет о раскопках, произведенных в 1910 г. в Новгородской и Тверской губерниях. — ЗОРСА, 1913, т. 9; *Репников Н. И.* 1) Отчет о раскопках в Бежецком, Весьегонском и Демянском уездах в 1902 г. — ИАК, 1904, в. 6; 2) Поездка

мимую деятельность А. А. Спицына по анализу и подготовке материалов различных исследователей к печати. Достаточно сказать, что Спицын обработал обширные коллекции из раскопок В. Н. Глазова, как несколько ранее материалы Л. К. Ивановского.

До настоящего времени при учете археологических памятников Новгородской земли не потеряли значения сводки Н. Ф. Окулич-Казарина⁷ и В. А. Плетнева.⁸ Настольной книгой всякого исследователя, занимающегося археологическими обследованиями в Новгородской области, продолжает оставаться и прекрасный указатель И. С. Романцева «О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии», изданный в 1911 г. к XV Всероссийскому археологическому съезду, проходившему в Новгороде.⁹ В основу указателя легли сведения, собранные Новгородским губернским статистическим комитетом в 1910 г. по программе Д. Я. Самоковсова, а также обширная библиография.

В предреволюционные годы были накоплены многочисленные данные о погребальных памятниках Новгородской земли, составлены их общие своды и карты, проведена первая систематизация древностей, дана их историческая характеристика, намечены главные проблемы их изучения.

В 1927—1931 гг. на Северо-Западе России, в пределах Ленинградской области (включавшей тогда и территории Новгородской и Псковской областей), развернулись широкие обследования по учету и регистрации археологических памятников. Во время разведок В. С. Адрианова, М. И. Артамонова, Г. П. Гроздилова, Б. А. Кошневского, С. Н. Поршнякова, В. И. Равдоникаса, Н. Н. Черягина, П. Н. Шульца и других были осмотрены сотни

в Старую Ладугу. — ЗОРСА, 1904, т. 5, в. 2; 3) Разведки и раскопки в Тихвинском и Шлиссельбургском уездах. — Там же, 1915, т. 11; Архив А. А. Спицына («Корочки»). — Архив ЛОИА, д. № 377; *Тищенко А. В.* Отчет о раскопках 1910 и 1911 гг. в Новгородской губернии. — ИАК, Пгр., 1914, в. 53; *Трофимов К. Д.* 1) Раскопки в Гдовском и Лужском уездах в 1908—1909 гг. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1908, д. 233; 2) Отчет о раскопках, произведенных в Гдовском у. С.-Петербургской губ. — Там же, 1909, д. 128; 3) Отчет о раскопках, произведенных в 1910 г. в Гдовском у.; История города Гдова и его уезда. — Архив ЛОИА, ф. 2, д. 1298; 4) Раскопки курганов при д. Залахтолье-Кувшиново. СПб. губ. Гдовского уезда. М., 1909; *Целепи Л. Н.* 1) О раскопках в Лужском и Новгородском уездах. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1899, д. 113; 1905, д. 54; 2) К археологической карте С.-Петербургской губ. Восточная часть Лужского у. — Архив ЛОИА, ф. 37, д. 8.

⁷ *Окулич-Казарин Н. Ф.* 1) Материалы для археологической карты Псковской губернии. — Труды Псковск. археол. о-ва, 1914, в. 10; 2) Дополнения и поправки к «Материалам для археологической карты Псковской губ.». — Там же, 1915, в. 14.

⁸ *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губ. Тверь, 1903 (первоначальный вариант сводки: О курганах и городищах в Тверской губернии. Тверь, 1884).

⁹ *Романцев И. С.* О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911.

древних памятников.¹⁰ Как отмечал П. П. Ефименко, только в итоге первых трех лет работы (1927—1929 гг.) были зарегистрированы на месте, по большей части с подробной характеристикой, обмерами и чертежами 604 курганные группы, содержащие свыше 10 тыс. насыпей, 232 жальничных могильника, насчитывающих 5 тыс. отдельных погребений, и другие памятники.¹¹ Наряду с обследованиями проводился полный учет литературного, архивного и музейного материала по древностям Северо-Запада России. Результаты всей этой огромной работы нашли отражение в обширных карточках, хранящихся в настоящее время в Архиве ЛО Института археологии АН СССР.¹²

К сожалению, осталась совершенно забытой работа по обследованию археологических памятников центральных районов Новгородской земли, проведенная в эти же годы экспедицией Новгородского музея под руководством С. М. Смирнова. Экспедиция предприняла разведки по Ловати и Поле, осмотрела главным образом несколько десятков групп сопок и отдельных насыпей, дала их описания с указанием размеров и различного рода повреждений, отметила разрушенные сопки. Эти данные — ценный источник для составления как полного свода сопок, так и установления первоначальных размеров их групп. Лишь недоразумением можно объяснить то, что в сводах сопок Н. Н. Черныгина (1941 г.) и В. В. Седова (1970 г.) не только не используются материалы, опубликованные в 1930 и 1931 гг. С. М. Смирновым в «Материалах и исследованиях» Новгородского музея, но даже не упоминаются эти обследования.¹³

В довоенный период были составлены первые общие своды погребальных памятников Северо-Запада России, в которых дифференцированно учитывались различные типы погребальных древностей.

В 1931 г. был опубликован остающийся до наших дней единственным свод жальничков Новгородской земли, выполненный Н. И. Репниковым.¹⁴ В 1938 г. Новгородский музей провел систематизацию сведений о всех насыпях, относящихся к числу сопок

¹⁰ Обзор архивных дел, содержащих отчеты об исследованиях 1927—1931 гг., см. в кн.: Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919—1956 гг. М., 1962, с. 45—47.

¹¹ Ефименко П. П. Обследование памятников Ленинградской области в 1928—1929 гг. — Сообщ. ГАИМК, 1931, № 6, с. 26; см. также: Ефименко П. П. Палеознтологические работы в Северо-западной области в 1927 г. — Там же, 1929, т. II, с. 215—216.

¹² Материалы по учету археологических памятников Ленинградской области. — Архив ЛОИА, ф. 2, 1931, № 56—687; Учетный каталог археологических памятников Ленинградской области. — Там же, № 688—744.

¹³ Смирнов С. М. 1) Археологическая экспедиция на р. Ловат летом 1928 г. — МИА (Новг. гос. музей), Новгород, 1930, в. 1, с. 7—19; 2) По реке Поле и ее притокам. Обследование культ.-ист. памятников. — Там же, Новгород, 1931, в. 2, с. 105—116.

¹⁴ Репников Н. И. Жальники Новгородской земли. (Материалы к вопросу о расселении славян по области). ИГАИМК, 1931, т. 9, в. 5.

(83 насыпи в 43 пунктах), предпринял их классификацию «по типам погребального обряда», проследил распространение различных типов сопок по отдельным районам. Работа не была издана.¹⁵

Огромное значение для всего последующего изучения погребальных памятников Новгородской земли сыграл свод Н. Н. Черныгина «Длинные курганы и сопки». Автор составил обширный каталог памятников, сопроводив его прекрасной археологической картой, а также дал первичную характеристику древностей, сделав при этом ряд общих наблюдений и выводов.¹⁶ Без преувеличения можно сказать, что, несмотря на библиографическую редкость (почти весь тираж тома, где была напечатана работа Черныгина, погиб в издательстве в самом начале войны), свод Черныгина вплоть до начала 70-х годов являлся основной фактологической базой большинства работ, в которых рассматривались погребальные памятники Новгородской земли второй половины I тыс. н. э.

Среди раскопок курганных древностей в довоенный период представляется целесообразным выделить исследования В. И. Равдоникаса в юго-восточном Приладожье и Карелии.¹⁷

Послевоенные десятилетия ознаменовались широким размахом археологических исследований на территории Новгородской земли. Раскопки и обследования погребальных памятников проводились в Приильменье и в Приладожье, в Полужье и на Ижорском плато, по Волхову и в бассейне Чудского озера. Если число исследованных погребальных сооружений уступало числу памятников, раскопанных до революции, а в отношении отдельных категорий древностей (например, древнерусских курганов на Ижорском плато) это несоответствие огромно, то современная методика раскопок позволила получить при изучении погребальных сооружений гораздо больше строго документированной информации, чем ранее, а тем самым ставить и решать более широкий круг проблем.

В 1956 г. А. В. Успенской и М. В. Фехнер были изданы карта поселений и курганных могильников Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв. и указатель к ней, основанный на архивных и опубликованных материалах.¹⁸ Правда, указатель может быть использован лишь при первоначальном анализе древностей Новгородской земли, поскольку учтенные там памят-

¹⁵ Новгородские сопки. — Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, 1938, д. 155.

¹⁶ Черныгин Н. Н. Длинные курганы и сопки. — МИА, 1941, № 6, с. 93—148.

¹⁷ Raudonikas V. J. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930; Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. — ИГАИМК, 1934, в. 94.

¹⁸ Успенская А. В., Фехнер М. В. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв.». — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956, с. 139—251.

ники в должной мере не дифференцированы по типам и хронологии (например, под термином «курганы» без оговорок отмечаются как древнерусские насыпи с труположениями XI—XIII вв., так и огромные новгородские сопки конца I тыс. н. э.), а кроме того, сам каталог нуждается в значительном дополнении и уточнении.

В 1968 г. И. И. Ляпушкин, рассматривая вопросы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы, в том числе и на интересующих нас территориях, собрал в единый каталог все сведения об известных здесь полусферических курганах с трупосожжениями, которые он считал особым типом погребальных сооружений.¹⁹

Обследования и раскопки, проведенные в 50—60-х гг., принесли много новых данных о сопках и длинных курганах, позволили уточнить ряд прежних сведений. Таким образом, необходимость очередного широкого обобщения всего материала об этих типах погребальных памятников проявилась со всей отчетливостью, тем более что, как мы отмечали, свод Н. Н. Черныгина стал библиографической редкостью. Новые капитальные исследования сопки и длинных курганов, сопровождавшиеся каталогами, были выполнены В. В. Седовым в 1970 и 1974 гг.²⁰

В послевоенные годы большая работа по сбору сведений о древних захоронениях была проведена управлениями культуры облисполкомов северо-западных областей РСФСР. В настоящее время работу по составлению паспортов на памятники Новгородской, Псковской и Ленинградской областей возглавляет Сектор сводов Института археологии АН СССР: учитываются и проверяются многочисленные сведения о поселениях и могильниках, ведутся новые обследования. В результате создается полноценная база для дальнейшего научного изучения и охраны памятников отечественной истории древней Новгородской земли.

В связи с этим нельзя не упомянуть изданные в 1979 и 1980 гг. Новгородским областным советом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры «Археологические памятники Новгородской области. (Примерный перечень)» (ответственный составитель П. М. Золин).²¹ Как отмечено в аннотации к выпускам, их цель — помочь «наладить более полный учет, систематическое изучение и пропаганду археологических объектов в области», «дать основу, чтобы четко обозначить все подлежащие государственной охране памятники археологии» и т. д. К сожалению, содержание выпусков не соответствует этим целям. Описания памятников составлены непрофессионально, без обязатель-

¹⁹ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—первая половина IX в.). — МИА, 1968, № 152, с. 97—110.

²⁰ Седов В. В. 1) Новгородские сопки. — САИ, в. Е1-8, М., 1970; 2) Длинные курганы кривичей. — САИ, в. Е1-8, М., 1974.

²¹ Археологические памятники Новгородской области. (Примерный перечень). Новгород, 1979, в. 1; Новгород, 1980, в. 2.

ных ссылок на первоисточники, содержат множество грубых ошибок и неточностей, включают никогда не существовавшие объекты и в то же время не упоминают действительно имеющиеся памятники, подлежащие обязательной государственной охране. Составитель выпусков оказался незнакомым с результатами больших работ по проверке сведений об археологических памятниках Новгородской области, которые в последние годы ведут археологи Москвы, Ленинграда и Новгорода. Необходимые по своему замыслу для целей охраны памятников и научной работы списки памятников в изданном виде почти бесполезны.

Таков краткий обзор археологических, в первую очередь сводных, работ, содержащих сведения о погребальных памятниках Новгородской земли. Остановимся теперь на важнейших проблемах изучения этих памятников. Основное внимание будет уделено характеристике тех погребальных древностей, от интерпретации которых в наибольшей степени зависит правильное понимание вопросов славянского расселения в Приильменье и в сопредельных районах.

Время и характер славянского расселения в бассейне оз. Ильмень, будущем центральном районе Северной Руси, как и во всей лесной зоне Восточной Европы, до сих пор относятся к недостаточно разработанным вопросам славянской археологии. Вместе с тем именно от их решения зависит выяснение той культурной и этнической основы, на которой складывались Северная Русь и ее городские центры. Письменные источники сообщают лишь крайне скудные и отрывочные сведения о событиях последних веков I тыс. н. э., а поэтому решающая роль в их освещении принадлежит археологии.

Важнейшим археологическим источником для изучения истории второй половины I тыс. н. э. на рассматриваемых территориях в настоящее время являются погребальные памятники — многочисленные курганы с трупосожжениями, широко известные в бассейнах Ильменского и Чудского озер, Волхова, Луги, Плюсы, Мологи и в юго-восточном Приладожье. Их изучение было начато в XIX в., тогда же были сделаны первые общие наблюдения, в чем нельзя не отметить больших заслуг А. А. Спицына.²² Исследователи выделили несколько основных групп погребальных сооружений с трупосожжениями: сопки — огромные погребальные насыпи, достигающие порой 10—12 м высоты, длинные и полусферические курганы. В отношении этнической принадлежности курганов с сожжениями и сопки высказывались различные суждения, хотя преобладало мнение, что они оставлены славянами.

Существенным рубежом в изучении сопки и длинных курганов явилась публикация в 1941 г. уже упомянутого нами свода

²² Спицын А. А. 1) Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — ЖМНП, август, 1899, с. 308 и сл.; 2) Сопки и жалыники. — ЗРАО, 1899, т. 11, в. 1—2; 3) Удлиненные и длинные русские курганы. — ЗОРСА, 1903, т. 5, в. 1, и др.

П. Н. Черныгина и обобщающей работы П. Н. Третьякова «Северные восточнославянские племена».²³ В этих исследованиях была достаточно четко проведена мысль, что территории распространения длинных курганов и сопок различны, а сами памятники являются погребальными сооружениями двух восточнославянских племен: кривичей (длинные курганы) и новгородских словен (сопки). В дальнейшем эта точка зрения господствовала в советской историографии.²⁴ Именно ее последовательно отстаивает В. В. Седов в новых обобщающих сводах сопок и длинных курганов.²⁵

Вместе с тем в 60—70-х гг. появился ряд работ, в которых славянская принадлежность как сопок, так и длинных курганов была поставлена под сомнение, хотя подход исследователей к решению этнических вопросов различен. В литературе гораздо более определено, чем раньше, отмечались различия псковской и смоленской групп длинных курганов, причем вопросы их этнической принадлежности чаще решались по-разному для каждой группы.²⁶

²³ Третьяков П. Н. Северные восточнославянские племена. — МИА, 1941, № 6, с. 9—55; Черныгина П. Н. Длинные курганы и сопки, с. 93—148.

²⁴ Третьяков П. Н. 1) Восточнославянские племена. М., 1953, с. 228 и сл.; 2) Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966; 3) У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 64—66, 123, 124, 147; Седов В. В. 4) Кривичи и словене. — Автореф. канд. дисс. М., 1954; 2) Кривичи. — СА, 1960, № 1, с. 47—62; 3) Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 91 и сл.; 4) Славяне и племена юго-восточного региона Балтийского моря. — Berichte über der II. Internat. Kongress für slawische Archäologie, Bd I. Berlin, 1970, S. 41—23; Тараканова С. А. Длинные и удлиненные курганы. — СА, 1954, т. 19, с. 77—110; Орлов С. И. Сопки волховского типа около Старой Ладogi. — СА, 1955, т. 22, с. 190—211; 2) Новые сведения о сопках волховского типа в районе Старой Ладogi. — СА, 1958, № 1, с. 236—239; Моора Х. А. 1) Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных. — СА, 1954, т. 21, с. 111—113; 2) Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. — В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, с. 128; 3) Основные результаты археологических исследований в Советской Эстонии. — СА, 1967, № 3, с. 87; Вилинбахов В. В. 1) Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена. — В кн.: Скандинавский сборник. Таллин, 1963, в. VI, с. 323—326; 2) По поводу некоторых замечаний П. Н. Третьякова. — СА, 1970, № 1, с. 294—298; Алексеев Л. В. 1) Полоцкая земля (очерки истории северной Белоруссии) в IX—XIII вв. М., 1966, с. 33 и сл.; 2) Смоленская земля в IX—XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980, с. 35, 39 и сл.; Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). — История СССР, 1971, № 2, с. 51; Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975 (разделы «Полоцкая земля» — Л. В. Алексеев; Смоленская земля — В. В. Седов; Новгородская земля — А. В. Куза) и многие другие работы.

²⁵ Седов В. В. 1) Новгородские сопки, с. 29—33; 2) Длинные курганы кривичей, с. 36—41.

²⁶ Шмидт Е. А. 1) Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. — Матер. по изучению Смоленской области. Смоленск, 1963, в. V, с. 113; 2) О смоленских длинных курганах. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 224—229; Ялуцкий П. И. 1) Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—IX вв.). — В кн.:

Характерно мнение, высказанное Е. А. Шмидтом, что «длинные курганы, видимо, нужно рассматривать как особую форму погребальных сооружений, возникшую в I тысячелетии н. э. у целого ряда племен и отражающую одинаковый уровень их социально-экономического развития, причем эти племена этнически могут и отличаться друг от друга», и, «по-видимому, было бы целесообразно замешить общий термин „длинные курганы“ территориально-хронологическими наименованиями отдельных культур».²⁷

Археологи, поддерживающие точку зрения о неславянской принадлежности длинных курганов и сопок, отмечают своеобразие этих погребальных памятников, указывают на сходство отдельных элементов их конструкции, погребального обряда и инвентаря с элементами захоронений балтских и финно-угорских племен. В то же время исследователи, рассматривающие сопки и длинные курганы как в своей основе славянские памятники, главный упор в доказательствах делают на их связи с древнерусскими погребальными сооружениями, отмечают, что именно на базе культур сопок и длинных курганов сформировались культуры городских центров Новгородской земли. Они подчеркивают, что в своем комплексе погребальная обрядность длинных курганов и сопок не может рассматриваться как очередная ступень развития обряд-

Культура Древней Руси. М., 1966, с. 127—134; 2) Славяне Восточной Европы. . ., с. 19, 20, 89—118; Артамонов М. И. 1) Вопросы расселения восточных славян и советская археология. — В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л., 1967, с. 63—67; 2) Некоторые вопросы отношения восточных славян с болгарами и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья (В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970). — СА, 1974, № 1, с. 250—252; Тугина Н. В. Об этнической принадлежности погребальных в сопках волховского типа. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 188—193; Мальм В. А., Фезнер М. В. Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во 2-й половине 1-го тысячелетия н. э. — В кн.: Экспедиция Государственного Исторического музея. Доклады на сессии Ученого совета ГИМ 5—7 февраля 1969 г. М., 1969, с. 159—188; Лаул С. 1) Об этнической принадлежности длинных и круглых курганов в юго-восточной Эстонии. — Тез. докладов, посвящая итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971, с. 256—259; 2) Об этнической принадлежности курганов юго-восточной Эстонии. — Изв. АН Эст. ССР, общ. науки, 1971, № 3, с. 319—329; 3) Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тысячелетии н. э. — В кн.: Вопросы финно-угроведения, в. VI. Саранск, 1975, с. 382, 383; Булкин В. А. Гнездовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья. — Автореф. канд. дисс. Л., 1973, с. 9, 10 и др.; Тышиссон Э. Монография о длинных курганах. — Изв. АН Эст. ССР, общ. науки, 1976, № 3, с. 300—305; Лебедев Г. С. 1) Начало Верхней Руси по данным археологии. — В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 90—95; 2) Новые данные о длинных курганах и сопках. — В кн.: Проблемы археологии и этнографии, в. 1. Л., 1977, с. 37—46; 3) Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978; Лебедев Г. С., Рябишин Е. А. Сопки и жалники. — В кн.: Проблемы археологии, в. 2. Л., 1978, с. 152—163, и другие работы.

²⁷ Шмидт Е. А. О смоленских длинных курганах, с. 225.

ности местного дославянского населения, хотя субстратные элементы в обряде и инвентаре имеются.

В настоящее время для более уверенного решения проблем этнической принадлежности сопок и длинных курганов в первую очередь следует ответить на вопрос: имеются ли в лесной зоне Восточной Европы, в том числе на территории Новгородской земли, погребальные памятники, противостоящие сопкам и длинным курганам и более определенно увязывающиеся с достоверно славянскими древностями? Если такие памятники существуют, то мнение, что сопки и длинные курганы оставлены дославянским населением, получает существенное подтверждение. Если же таких памятников нет, то при решении указанных проблем основное внимание должно быть обращено на анализ именно сопок и длинных курганов.

Достоверно славянские памятники в лесной зоне Восточной Европы попытался вычленил И. И. Ляпушкин. Решительно отбросив сопки и длинные курганы как возможные славянские древности, он высказал предположение, что «в лесной зоне достоверно славянскими могильными памятниками времени накануне образования Древнерусского государства (VIII—IX вв.) следует считать круглые, полусферические курганы с трупосожжением».²⁸ В 1968 г. Ляпушкин опубликовал каталог таких курганов.²⁹ Предположение Ляпушкина логично включалось в его общую концепцию культурного единства восточнославянского населения накануне образования Древнерусского государства и в общем плане было поддержано М. И. Артамоновым.³⁰

В то же время дальнейшие конкретные разработки показали, что в бассейнах Ильменского и Чудского озер никакого особого пласта полусферических курганов, противостоящего длинным курганам и сопкам, исследователи пока выделить не в состоянии, а большинство курганов, указанных И. И. Ляпушкиным в его каталоге, относится к культуре длинных курганов, носители которой сооружали различные формы погребальных насыпей.³¹ Предположение Г. С. Лебедева, что особую группу памятников составляют не все могильники, учтенные в сводке И. И. Ляпушкина, а лишь те из них, которые состоят только из круглых курганов с сожжением, также не получило убедительных подтверждений.³²

Таким образом, для территорий, входивших в состав Новгородской земли, концепция И. И. Ляпушкина в разработанном им виде в настоящее время не может быть признана источниковед-

чески обоснованной, а созданный каталог полусферических курганов нельзя использовать как основу для общих заключений.

Все это заставляет с самым пристальным вниманием относиться к постоянно накапливаемым новым данным о сопках и длинных курганах. Вместе с тем сейчас все больше проявляется диспропорция в наших знаниях об устройстве, обряде и инвентаре этих типов погребальных памятников.

Насыпи культуры длинных курганов раскапываются многими исследователями. Следует отметить работы В. В. Седова, С. К. Лаул, М. Э. Аун, К. М. Плоткина и Н. В. Хвоцинской в бассейне Чудского озера,³³ Г. С. Лебедева и Ю. М. Лесмана — в Полужье,³⁴ С. Н. Орлова — в бассейне р. Мсты,³⁵ В. А. Мальм и М. В. Фехнер — в междуречье верхней Мсты и верхней Волги,³⁶ Е. Н. Носова и Г. Н. Пронина — в бассейне р. Мологи.³⁷ В результате этих раскопок и при учете материалов, полученных в предшествующие годы, сейчас достаточно полно выявляется облик могильников культуры длинных курганов в северной части области их распространения.

Иная картина складывается в отношении изученности сопок. Большинство сопок было раскопано еще в дореволюционное время, а поэтому полученные сведения требуют очень осторожного использования, поскольку применявшиеся тогда приемы раскопок траншеями и различными выемками крайне малоэффективны именно для сопок — памятников большого объема и слож-

²⁸ Седов В. В., Седова М. В. Раскопки длинных курганов на Великой. — Археол. открытия 1966 г., М., 1967, с. 14—16; Седов В. В. 1) Казихинские курганы на р. Великой. — КСИА, 1969, в. 120, с. 91—96; 2) Грицковские курганы. — КСИА, 1971, в. 125, с. 52—58; 3) Длинные курганы кривичей; Плоткин К. М., Грач В. В. Раскопки курганов у дер. Северик. — Археол. открытия 1977 г., М., 1978, с. 29; Хвоцинская Н. В., Прудько О. М. Раскопки курганов у дер. Залахтовые. — Археол. открытия 1973 г., М., 1974, с. 33; Хвоцинская Н. В. Новые данные о погребальных памятниках западных районов Новгородской земли. — Археол. открытия 1981 г., М., 1982. Обзор раскопок, проведенных С. К. Лаул и М. Э. Аун, и соответствующую литературу см.: Аун М. Э. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. Таллин, 1980.

²⁹ Лебедев Г. С., Мордасов В. И., Теребилин Н. М. Курганы Черемнецкого озера. — Археол. открытия 1971 г., М., 1972, с. 19, 20; Лебедев Г. С. 1) Длинные курганы Верхнего Полужья. — КСИА, 1974, в. 139, с. 69—73; 2) Новые данные... с. 37 и сл.; Лесман Ю. М., Выноградов А. В. Работы Оредежского отряда. — Археол. открытия 1978 г., М., 1979, с. 23, 24; Лесман Ю. М. Работы в Полужье. — Археол. открытия 1979 г., М., 1980, с. 18, 19.

³⁰ Орлов С. Н. 1) Археологические исследования в низовьях реки Мсты. — СА, 1968, № 3, с. 160—171; 2) Памятники кривичей в среднем течении реки Мсты. — Археол. открытия 1972 г., М., 1973, с. 32, 33.

³¹ Мальм В. А., Фехнер М. В. Об этническом составе..., с. 159—188.

³² Носов Е. Н., Верхорунова Т. Л. Исследование комплекса культуры длинных курганов на оз. Съезжем в Новгородской области. — Археол. открытия 1976 г., М., 1977, с. 25, 26; Носов Е. Н. Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съезжем. — КСИА, 1981, в. 166; Пронин Г. Н. Работы Новгородского отряда. — Археол. открытия 1976 г., М., 1977, с. 30, 31.

²⁸ Ляпушкин И. И. Археологические памятники славян..., с. 134.

²⁹ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы..., с. 97—110.

³⁰ Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян..., с. 63—68.

³¹ Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье. — СА, 1981, № 1, с. 43—45; Минасян Р. С. Поселение и могильник на берегу озера Узмень. — Труды Гос. Эрмитажа, Л., 1979, т. XX, с. 182, 183.

³² Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники..., с. 74, 75; ср. Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы..., с. 44, 45.

пой структуры. Можно привести множество примеров, когда сопки, которые значатся в сводах как исследованные и деталями устройства, а также чертами обряда которых активно оперируют археологи, до сих пор представляют собой огромные, в основной части неизученные насыпи, возвышающиеся по берегам рек Северо-Запада России. Достаточно вспомнить, что, как только В. П. Петренко предпринял полные раскопки «на снос» тех сопок, которые уже исследовал в Старой Ладогe один из лучших дореволюционных археологов Н. Е. Бранденбург, они предстали перед нами совершенно по-новому. Иначе говоря, дореволюционные описания «раскопанных» сопок представляют собой отнюдь не полную характеристику всей совокупности элементов того или иного погребального сооружения, а в подавляющем большинстве — вырванные из «контекста» памятников сведения, которые далеко не исчерпывают всех конструктивных особенностей и черт погребального обряда. Данные дореволюционных археологов, конечно, следует использовать, и этому есть неплохие примеры,³⁸ но привлекаемый материал должен быть в каждом конкретном случае критически проверен. Именно поэтому мы не разделяем оптимизма некоторых исследователей, переоценивающих, на наш взгляд, полноту и достоверность археологических сведений, полученных в XIX—начале XX в.³⁹

Полные раскопки сопок «на снос» чрезвычайно трудоемки. Исследование средней по размерам насыпи требует не менее одного полевого сезона работ, а полученный в итоге материал может быть невелик. Именно это является основной причиной того, что исследователи обычно воздерживаются от раскопок сопок. Так, за 30 лет, прошедших с момента выхода в свет книги Н. Н. Чернягина и до появления в 1970 г. свода сопок В. В. Седова, наши знания о внутреннем устройстве сопок почти не изменились: были раскопаны лишь четыре разрушившиеся насыпи.⁴⁰ В последнее десятилетие активные раскопки сопок проводились лишь близ Старой Ладоги. Основная заслуга в их изучении принадлежит В. П. Петренко.⁴¹ Одна сопковидная насыпь в Ладогe

³⁸ Петренко В. П. Сопка у с. Михаила-Архангела в юго-восточном Приладожье по раскопкам Н. Е. Бранденбурга в 1886 г. — КСИА, 1980, в. 160, с. 69—76.

³⁹ Лебедев Г. С., Рабинин Е. А. Сопки и жальники, с. 153; ср.: Носов Е. П. Источники по славянской колонизации Новгородской земли. — Вспомогат. истор. дисциплины, VI. Л., 1974, с. 212, 213, 247.

⁴⁰ Седов В. В. Новгородские сопки, с. 8.

⁴¹ Петренко В. П. Работы Староладожского музея. — Археол. открытия 1970 г., М., 1971, с. 32; Петренко В. П., Крапивина Г. А., Терехович Н. М., Лебедев Г. С. Работы в Ленинградской области. — Археол. открытия 1972 г., М., 1973, с. 35, 36; Петренко В. П. Исследование погребальных памятников Северного Поволжья. — Археол. открытия 1974 г., М., 1975, с. 32, 33; Петренко В. П., Кучер А. Л., Рацко В. В. Раскопки погребальных памятников в низовьях Волхова. — Археол. открытия 1975 г., М., 1976, с. 35; Петренко В. П., Конаков Н. Д., Рогачев М. Б. Некоторые сведения о сопках Северного Поволжья. — В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 85—90; Петренко В. П. 1) Исследование погребальных памятников в Южном Приладожье. — Археол. открытия 1978 г., М., 1979, с. 28, 29; 2) Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладоги. — КСИА, 1977, в. 150, с. 55—62.

была исследована нами.⁴² В 1972 г. сопку у д. Репши в Полужье раскопал Г. С. Лебедев.⁴³ С. В. Белецкий в низовьях р. Великой у д. Романово доследовал насыпь «сопочного типа», раскопанную частично в конце XIX в.⁴⁴ А. В. Никитин предпринял изучение сопки у д. Никольской при впадении р. Шогды в Суду,⁴⁵ а в 1980 г. В. Я. Конецкий начал исследования группы сопок у д. Заручевье в бассейне р. Волмы, левого притока р. Мсты.

Эти работы дали много интересных материалов, пожалуй, поставивших больше вопросов, чем их разрешивших, но в целом полученная информация о сопках несопоставима с имеющимися достаточно полными сведениями о длинных курганах. Обратим внимание и на то, что сопки изучены очень неравномерно. Явно выделяется по числу раскопанных и хорошо документированных сопок район низовьев Волхова.

Наиболее полные каталоги сопок и длинных курганов, а также карты их распространения составлены В. В. Седовым. По его данным, основным районом распространения сопок является бассейн оз. Ильмень (здесь зафиксировано 337 из 479 известных могильников) и территории, непосредственно примыкающие к ильменскому бассейну.⁴⁶ Основная территория распространения длинных курганов, — как отмечает Седов, — приходится на бассейн р. Великой и Псковского озера, а также на верховье р. Луги и верхние части западнодвинского и днепровского бассейнов. В других местах могильники с валообразными насыпями сравнительно малочисленны. Они известны в бассейнах рек Плюсы, Луги, Мсты, Полю, Волги. Единичные могильники зафиксированы в верховьях рек Вилии и Гауи.⁴⁷ «В целом же, — по заключению Седова, — ареалы длинных курганов и новгородских сопок различны и вплотную соприкасаются друг с другом».⁴⁸

Новейшие археологические обследования вносят коренные изменения в карту распространения культуры длинных курганов и заставляют пересмотреть общие представления о территориаль-

бальных памятников в Южном Приладожье. — Археол. открытия 1978 г., М., 1979, с. 28, 29; 2) Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладоги. — КСИА, 1977, в. 150, с. 55—62.

⁴² Булкин В. А., Назаренко В. А., Носов Е. Н. О работах Староладожского уезда. — Археол. открытия 1971 г., М., 1972, с. 31, 32; Носов Е. Н., Конецкий В. Я. Исследования на урочище Плакун близ Старой Ладоги. — Археол. открытия 1973 г., М., 1974, с. 23, 24.

⁴³ Лебедев Г. С. и др. Раскопки под Лугой. — Археол. открытия 1972 г., М., 1973, с. 22, 23; Лебедев Г. С. 1) Новые данные... с. 42—45; 2) Археологические памятники... с. 89—97; 3) Сопка у д. Репши в Верхнем Полужье. — КСИА, 1978, в. 155, с. 93—99.

⁴⁴ Белецкий С. В. 1) Разведка в низовьях р. Великой. — Археол. открытия 1974 г., М., 1975, с. 5; 2) Охранные раскопки под Псковом. — Археол. открытия 1975 г., М., 1976, с. 6, 7.

⁴⁵ Никитин А. В. Вологодская и Каргопольская экспедиции. — Археол. открытия 1974 г., М., 1975, с. 27.

⁴⁶ Седов В. В. Новгородские сопки, с. 9 и табл. 1.

⁴⁷ Седов В. В. Длинные курганы кривичей, с. 11 и табл. 1, 3.

⁴⁸ Там же.

ном соотношении длинных курганов и сопок. Если при всех возможных дополнениях к своду сопок, составленному В. В. Седовым (необходимость учета сопок по р. Сясь, уточнение их южной границы прежде всего в бассейне Западной Двины и т. д.⁴⁹), очевидно, что основной областью их широкого распространения является прежде всего бассейн Ильменя, то длинные курганы в этом районе также не единичны, как представлялось вплоть до последнего времени, а являются и здесь массовыми памятниками. Во время разведок новгородских краеведов, в первую очередь Г. И. Ивановского и М. М. Аксенова, а особенно при работах, проведенных В. Я. Конецким, В. В. Мильковым, С. Н. Орловым, Г. Н. Проциным и нами, в бассейнах рек Полю и Мсты, а также Мологи (в пределах Новгородской области) зафиксировано 67 могильников с длинными курганами и отдельных насыпей такой формы. Следует учесть, что обследования Ильменского бассейна далеко еще не завершены.⁵⁰ Картина будет неполной, если не отметить и то, что население культуры длинных курганов хоронило своих родичей и в могильниках, состоящих из курганов полусферических, четырехугольных и других форм и не включавших вытянутых насыпей (Черный Ручей, Каменка и др.). Такие могильники не входят в число указанных 67.

Территория, которую занимало население, соорудившее длинные курганы, охватывала всю лесную зону Восточной Европы от бассейна Псковского озера на западе до левых притоков р. Мологи на востоке и от бассейна верхнего течения р. Луги и юго-восточного Приладожья на севере до Верхнего Поднепровья на юге. Области распространения длинных курганов и сопок располагались не рядом друг с другом, как обычно предполагалось, а совмещались на части территории, занятой длинными курганами — в бассейне оз. Ильмень и в прилегающих к нему районах. Обратим специальное внимание на полное отсутствие зафиксированных могильников культуры длинных курганов в бассейне р. Шелони.

Вместе с тем нельзя согласиться с утверждением Г. С. Лебедева, что «существование сопок и длинных в той или иной мере прослеживается всюду в местах распространения длинных курганов северной (псковско-новгородской) группы».⁵¹ Дело в том, что для западной части ареала длинных курганов, охватывающей бассейны рек, впадающих в Чудское озеро (Великой, Желчи, Черной, Пиузы, Выханды, Ахьи), сопки не характерны, что отчетливо видно по сводам В. В. Седова.⁵² По данным М. Э. Аун, в бассейнах рек Пиузы, Выханды, Ахьи и по западному побережью Псковского озера — районе, детально обследованном в археологи-

ческом отношении, известно около 1000 курганных насыпей второй половины I тыс. н. э., входящих в 137 групп, но нет ни одной сопки.⁵³ Показательны в этой связи и наблюдения К. М. Плоткина о концентрации сопоквидных насыпей в бассейне нижнего течения р. Великой именно в том микрорайоне, который непосредственно соприкасается с областью распространения новгородских сопок, и о присутствии именно здесь «некоторого количества памятников, неотличимых от собственно новгородских сопок», что «позволяет, — по мнению Плоткина, — предположить и инфильтрацию отдельных групп населения».⁵⁴

Изменившиеся представления о территории распространения длинных курганов и твердо установленный сейчас факт их массовости в бассейне оз. Ильмень и вплоть до р. Мологи на востоке показывают полное несоответствие района размещения населения, оставившего культуру длинных курганов, области, которую, согласно летописным данным, занимали кривичи.

Значительный интерес представляет вопрос о соотношении сопок и насыпей культуры длинных курганов в Ильменском бассейне и на сопредельных территориях — районе, где известны обитатели погребальных памятников.

Как правило, сопки располагаются на берегах рек и озер, в непосредственной близости от воды, в тех местах, где рельеф местности достаточно разработан и имеются обширные поймы и хорошо дренированные террасы. При этом определяющим является именно рельеф, а не величина реки: сопки обнаружены как на магистральных реках, так и на их малых притоках. При характеристике сопок Н. Н. Чернягин справедливо отметил, что «существеннейшими их признаками являются неизменная связь с водой и расположение — или одиночное, или цепью нескольких насыпей, иногда состоящей из ряда звеньев».⁵⁵ Большинство сопок топографически составляет единые комплексы с находящимися рядом поселениями, открытыми уже в значительном числе.⁵⁶

Топография могильников с длинными курганами совсемная. Наблюдения над ландшафтной приуроченностью населения культуры длинных курганов показывают, что оно заселяло участки, где почвенный покров состоит из песков и легких супесей (озерно-ледниковые, озерно-аллювиальные, озерные равнины, задрры), занятые сейчас сосновыми лесами. Эти участки малопродуктивны как для пашенного, так и для подсечного земледелия и слабо используются в сельском хозяйстве вплоть до наших дней. Боль-

⁴⁹ Носов Е. Н. Источники по славянской колонизации..., с. 227—229.

⁵⁰ Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы..., с. 46, 47.

⁵¹ Булкин В. А., Дубов Н. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники..., с. 63.

⁵² Седов В. В. 1) Новгородские сопки, табл. 1; 2) Длинные курганы кривичей, табл. 1 и 3.

⁵³ Аун М. Э. Курганные могильники..., с. 17 и сл., рис. 1, 2.

⁵⁴ Плоткин К. М. 1) Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. в бассейне нижнего течения реки Великой. — Тез. докладов научного семинара «Археология и история Пскова и псковской земли», 1980. Псков, 1980, с. 18; 2) Псков и его округа во второй половине I тысячелетия н. э. — Автореф. канд. дисс. Л., 1980, с. 6.

⁵⁵ Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки, с. 96.

⁵⁶ Носов Е. Н. Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тысячелетия н. э. — Автореф. канд. дисс. М., 1977, с. 8—10, 19, 20.

шинство могильников культуры длинных курганов располагается в стороне от водоемов, на расстоянии до нескольких километров, на песчаных возвышенностях в сухих сосновых борах. Обычно и сами могильники, и длинные курганы вытянуты вдоль лесных дорог. Могильники почти всегда сосредоточены в бассейнах малых рек и у лесных озер, редко встречаются на крупных водных артериях. Поиски поселений населения культуры длинных курганов затруднены из-за отдаленности многих могильников от водоемов. Несколько селищ открыты рядом с теми курганными группами, которые находились поблизости от воды. Отличия в топографии сопки и длинных курганов сохраняются и в тех случаях, когда группы этих памятников находятся поблизости друг от друга. Вместе с тем намечается ряд более крупных территориально обособленных регионов, где доминируют сопки или насыпи культуры длинных курганов, что справедливо отмечал В. Я. Коцецкий.⁵⁷

Различная ландшафтная приуроченность в размещении населения, соорудившего сопки и длинные курганы в ильменском бассейне, на которую независимо от нас для несколько более юго-западных территорий обратили внимание П. М. Долуханов и А. М. Микляев,⁵⁸ безусловно отражает специфику хозяйственной деятельности этих групп населения. Если основным занятием носителей культуры сопки было земледелие, то в хозяйстве населения культуры длинных курганов именно земледелие, судя по всему, играло иную роль.

Было бы чрезвычайно важным сопоставить данные о поселениях, связанных с сопками и с длинными курганами. Это позволит более полно сравнить материальную культуру населения, соорудившего оба типа погребальных насыпей, что имело бы принципиальное значение при скудости вещевых находок и керамики, происходящих из сопки. К сожалению, в этом направлении пока сделаны лишь первые шаги.

Имея в виду отмеченную выше цель, в последние годы мы предприняли раскопки на селище Золотое Колено, рядом с самой значительной в среднем течении р. Мсты группой сопки (17 насыпей), и на селище рядом с могильником культуры длинных курганов на оз. Съезжем.⁵⁹ Исследования показали, что керами-

⁵⁷ Коцецкий В. Я. К вопросу о сопках и длинных курганах в бассейне р. Мсты. — В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 83—85.

⁵⁸ Агеева Р. А., Микляев А. М. Топонимы с -ля, -ль на Северо-Западе СССР и проблема восточнославянского расселения. — В кн.: Проблемы восточнославянской топонимики. М., 1979, с. 46—49.

⁵⁹ Носов Е. Н., Коцецкий В. Я. Разведки на средней Мсте и раскопки поселения Золотое Колено. — Археол. открытия 1974 г., М., 1975, с. 28—29; Носов Е. Н., Верхорубова Т. Л., Коцецкий В. Я. Исследования сельских поселений в Новгородской области. — Археол. открытия 1975 г., М., 1976, с. 32; Носов Е. Н., Верхорубова Т. Л. Исследование комплекса..., с. 25, 26; Носов Е. Н. 1) Поселения Приильменя..., с. 3—24; 2) Старая Ладога и поселения Приильменя конца I тысячелетия н. э. — Rapports du 3e Con-

gress International d'archéologie slave, t. 2. Bratislava, 1980, p. 325—328; 3) Поселение и могильник..., с. 64—69.

На селище Съезжем сосуды представлены в основном горшками слабопрофилированной и баночной формы. Керамика этого поселения, как и вся керамика из насыпей культуры длинных курганов ильменского бассейна, имеет большое сходство с посудой тушемлинско-акатовского круга древностей Верхнего Поднепровья и Подвинья. Намечаются и некоторые отличия в характере домостроительства между поселениями Золотое Колено и Съезжем. Материалы, полученные С. Н. Орловым при раскопках в бассейне Мсты селищ Кобыля Голова и Крюково, расположенных рядом с могильниками культуры длинных курганов, близки материалам с поселения Съезжем.⁶⁰

Все это говорит о том, что существуют определенные различия в материальной культуре поселений, связанных с сопками, и поселений, находящихся рядом с длинными курганами. Поскольку же систематические исследования селищ только начинаются, то общая картина, конечно, будет более сложной, чем она рисуется сейчас. Необходимо иметь в виду и хронологические различия поселений, и их территориальное расположение в центре или на периферии распространения сопки и длинных курганов, и конкретную ситуацию в каждом микрорегионе, кроме того, не следует исключать некоторую неоднородность самих типов погребальных памятников. К примеру, в 1980 г. Г. Н. Пронин в восточной части области распространения сопки начал раскопки на селище у д. Угол на берегу оз. Великого. Рядом с селищем находятся две сопки, а в округе известны и курганы с трупопожжением. Мы допускаем, что исследование селища в такой ситуации может дать более сложную картину, чем та, о которой мы знаем по раскопкам поселений Золотое Колено, Съезжем, Кобыля Голова и Крюково. С другой стороны, в том же 1980 г. В. Я. Коцецкий провел небольшие работы на селище близ значительной группы сопки у д. Заручевье в бассейне средней Мсты. От этих исследований больше оснований ожидать материалов, близких полученным нами на селище Золотое Колено.

grès International d'archéologie slave, t. 2. Bratislava, 1980, p. 325—328; 3) Поселение и могильник..., с. 64—69.

⁶⁰ Орлов С. Н. 1) Отчет о раскопках 1964—1965 гг. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 3027 и 3027а; 2) Археологические исследования в низовьях р. Мсты, с. 160—171; 3) Отчет о раскопках 1971 г. в Новгородской области. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 4517 и 4517а; Фонды Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника.

Большой интерес представляет определение хронологического соотношения сопок и насыпей культуры длинных курганов. Суммируя сведения о находках в длинных курганах, В. В. Седов показал, что начало сооружения длинных курганов псковско-новгородской группы относится к VI—VII вв., а последние захоронения в них датируются VIII—IX вв. IX век, полагает Седов, время массового прекращения захоронений в длинных курганах. Потомки населения, их соорудившего, в IX—X вв. хоронят своих умерших по обряду трупосожжения уже только в круглых полушарических курганах.⁶¹ В целом общая датировка насыпей культуры длинных курганов псковско-новгородской группы сейчас может быть определена как VI—X вв.

Хронология сопок менее разработана. Это связано с тем, что сопки, как мы отмечали, изучены гораздо хуже, чем длинные курганы. В. В. Седов датировал сопки VII—IX вв., отметив, что эта дата относится к сопкам низовьев Волхова и лишь очень осторожно может быть распространена на все новгородские сопки.⁶² Следует признать, что материалов, позволяющих однозначно датировать захоронения в ладожских сопках VII в., нет. Наряду с этим при раскопках, проведенных В. П. Петренко, открыты бесспорные погребения X в.⁶³ Таким образом, наиболее обоснованная датировка сопок в низовьях Волхова — VIII—X вв., т. е. то же время, к которому относятся древнейшие слои Старой Ладоги (горизонты Е и Д). Датировка X и даже началом XI в. установлена сейчас для ряда сопок и других районов, притом что нигде в сопках не встречено бесспорных погребений VI—VII вв. Попытка Г. С. Лебедева расчленить сопки на несколько хронологических пластов на основе типологического анализа погребального обряда не может быть признана удачной из-за отсутствия равноценных достоверных сведений для сопоставления сопок.⁶⁴

Итак, насколько можно судить по имеющимся материалам, в Приильменье и в сопредельных районах сопки и насыпи культуры длинных курганов представляют собой два не только культурных, но и отчасти хронологических пласта древностей.

Проблема соотношения сопок и длинных курганов требует дальнейшего изучения. В последнее время исследователи обратили внимание на то, что в Приильменье и в сопредельных районах, часто в одних группах с длинными курганами или поодиночке, расположены крупные сопкообразные насыпи. От собственно классических ловатских, мстинских и волховских сопок их отличает иная топография: расположение в стороне от водоемов, как правило, в сухих сосновых борах вместе с насыпями культуры длинных курганов, наличие хорошо выраженных ровиков

у основания и отсутствие каменных венцов. Насыпи такого типа изучены плохо. Одни исследователи склонны видеть в них наиболее ранние сопки и свидетельство близости культуры длинных курганов и сопок,⁶⁵ другие полагают, что такие высокие насыпи были характерны для культуры длинных курганов и не являлись прототипом классических сопок.⁶⁶ Именно в рамках этой дискуссии следует рассматривать интерпретацию высокой насыпи, раскопанной Г. С. Лебедевым у д. Репьи в Полужье.⁶⁷ Вряд ли сейчас возможно прийти к какому-либо окончательному решению относительно данной категории памятников, пужны новые целенаправленные раскопки сопковидных насыпей и классических сопок.

В различных районах распространения культуры длинных курганов исследователи все чаще фиксируют совместное нахождение в одном могильнике курганных насыпей и грунтовых захоронений по обряду трупосожжения, с инвентарем, типичным для культуры длинных курганов.⁶⁸ Видимо, эта взаимосвязь не случайна. М. Э. Аун, детально проанализировав структуру и погребальный обряд прекрасно документированных насыпей культуры длинных курганов территории юго-восточной Эстонии, сделала интересное наблюдение: до возведения самой курганной насыпи захоронения совершались на специальных погребальных площадках как грунтовые трупосожжения.⁶⁹ При наших раскопках 1979 г. удалось подтвердить вывод Ауна. За сотни километров на восток от бассейна Чудского озера, в могильнике культуры длинных курганов на берегу оз. Съезжего (бассейн р. Мологи), была раскопана такая погребальная площадка, окруженная ровиком, на которой обнаружено 8 грунтовых погребений по обряду сожжения и зафиксировано два небольших кострища. Две грунтовые ямки с кальцинированными костями выявлены за пределами площадки.⁷⁰

Все это позволяет предполагать, что на обширной территории лесной зоны Восточной Европы курганным погребениям предшествовали грунтовые захоронения, следовательно, курганные насыпи, в том числе длинные, как тип погребальных сооружений сложились непосредственно в этом районе, а не были привнесены сюда в сформировавшемся виде из других областей. Эта мысль в той или иной форме уже высказывалась Е. А. Шмидтом и

⁶⁵ Лебедев Г. С. Новые данные..., с. 46; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники..., с. 63 и сл.

⁶⁶ Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы..., с. 50—52; Плоткин К. М. Псков и его округа..., с. 5.

⁶⁷ Лебедев Г. С. 1) Новые данные..., с. 42 и сл.; 2) Сопка у д. Репьи..., с. 93—99; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники..., с. 63 и сл.; ср.: Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы..., с. 50—52.

⁶⁸ Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы..., с. 53, 54.

⁶⁹ Аун М. Курганные могильники..., с. 37—73, 99—102.

⁷⁰ Носов Е. Н. Новгородская областная экспедиция. — Археол. открытия 1979 г., М., 1980, с. 21, 22.

⁶¹ Седов В. В. Длинные курганы кривичей, с. 34—39.

⁶² Седов В. В. Новгородские сопки, с. 27, 28.

⁶³ Петренко В. П. Раскопки сопок..., с. 55—62; Петренко В. П., Копаков Н. Д., Рогачев М. Б. Некоторые сведения..., с. 89.

⁶⁴ Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы..., с. 54, 55.

В. В. Седовым, но теперь она находит новые подтверждения на конкретном материале.⁷¹

В этой же связи следует рассматривать тот факт, что керамика культуры длинных курганов псковско-новгородской группы имеет большое сходство с посудой памятников третьей четверти I тыс. н. э. Верхнего Поднепровья и Подвинья, определяемых в археологической литературе как древности типа Тушемли-Акатова, банцеровская или колочинская культуры, для которых также были характерны прежде всего грунтовые захоронения.

Касаясь вопросов этнической принадлежности длинных курганов в своде 1974 г., В. В. Седов подчеркивал «отсутствие генетической преемственности между культурой типа Тушемли-Банцеровщины и культурой длинных курганов», отмечая, что «существенно различаются два важнейших признака материальной культуры — погребальный обряд и керамика».⁷² Сейчас с этим заключением, по крайней мере относительно псковско-новгородской группы длинных курганов, согласиться нельзя. Именно сходство в погребальном обряде и керамике породили различные суждения и даже сомнения в возможности отнесения тех или иных памятников к культуре длинных курганов или банцеровской культуре.

Так, В. Б. Перхавко выделяет длинные курганы Подвинья и юга Псковщины из общей массы древнейших длинных курганов Псковщины и юго-восточной Эстонии и восточной Латвии в особую группу и причисляет их к атокинскому варианту банцеровской культуры. Он полагает, что эти «древнейшие длинные курганы» предшествуют по времени «классическим длинным курганам VIII—IX вв.».⁷³ Близких взглядов придерживается А. Г. Митрофанов.⁷⁴ На сходство керамики псковской группы длинных курганов и керамики памятников типа Тушемли-Акатова указывает и С. В. Белецкий, хотя и отмечает, что «для выведения культуры псковских длинных курганов из тушемлинского круга древностей препятствием является синхронность культурных групп».⁷⁵

Достаточно четкую характеристику данной проблемы дал Р. С. Минасян. По его мнению, «различие погребальной обрядности между грунтовыми могильниками типа Акатова-Узмень и могильниками с длинными и полусферическими курганами проявляется только в наличии у последних курганной насыпи. Архе-

⁷¹ Шмидт Е. А. Археологические памятники..., с. 128; Седов В. В. 1) Славяне и племена юго-восточного региона..., с. 13; 2) Длинные курганы кривичей, с. 41.

⁷² Седов В. В. Длинные курганы кривичей, с. 39.

⁷³ Перхавко В. Б. Раннесредневековые древности междуречья Днепра и Немана V—VIII вв. — Автореф. канд. дисс., М., 1978, с. 10, 11, 19.

⁷⁴ Митрофанов А. Г. Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н. э.—IX в. н. э.). — В кн.: Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии. Рига, 1980, с. 109.

⁷⁵ Белецкий С. В. Керамика Псковской земли..., с. 10.

ологический же материал, найденный при раскопках курганов, типичен также и для тушемлинского круга памятников». Различия между культурами тушемлинской группы и длинных курганов скорее всего кажущиеся и происходят они, как считает Минасян, из-за неадекватной изученности территорий и отсутствия надежной хронологии, что, «видимо, дает возможность усматривать различия в погребальной обрядности там, где имеет место его эволюция, происшедшая в связи с перемещением населения в лесной зоне Восточной Европы». Обращая внимание на то, что «древности раннего железного века в верховьях р. Великой, Ловати, в Поволжье прослеживаются чрезвычайно слабо», и делая отсюда заключение, что «эти районы в раннем железном веке либо не были заселены, либо были заселены очень слабо», Минасян полагает, что «распространившиеся здесь в массовом количестве могильники поэтому не могут рассматриваться как памятники местного населения, которого здесь практически не было», следовательно, они появились в результате передвижения сюда населения из Верхнего Поднепровья и Подвинья, происшедшего примерно в третьей четверти I тыс. н. э., на стадии перехода от захоронений в грунтовых могилах к курганному обряду.⁷⁶

На данном уровне накопленных знаний по археологии Северо-Запада России многое в суждениях Р. С. Минасяна представляется справедливым. Конечно, как окончательно решится проблема соотношения культуры длинных курганов псковско-новгородской группы и тушемлинско-акатовских памятников (банцеровской культуры), сейчас трудно предугадать. Ясно только, что от выяснения этого соотношения зависит правильное понимание этнических процессов, проходивших в лесной зоне Восточной Европы во второй половине I тыс. н. э., и что в рамках именно данной проблемы смыкаются вопросы изучения древностей Среднего Поднепровья и Подесенья и лесной зоны. Если культура длинных курганов псковско-новгородской группы целиком или частично действительно сложилась на базе древностей типа Тушемли-Акатова—Банцеровщины, которые большинство исследователей сейчас считает балтскими, то следует ли признать, что и длинные курганы на севере лесной зоны Восточной Европы, где отсутствует балтская гидронимия, также оставлены многочисленным балтским населением, или еще преждевременно полностью исключать славянскую принадлежность (возможно, и частичную) верхнеднепровских культур третьей четверти I тыс. н. э., на что сейчас обращается все большее внимание в археологической литературе.⁷⁷ Мы склоняемся к последнему мнению.

⁷⁶ Минасян Р. С. Поселение и могильник на берегу озера Узмень. — Труды Гос. Эрмитажа, Л., 1979, т. XX, с. 183, 184.

⁷⁷ Обзор основных точек зрения на этническую и культурную оценку древностей Верхнего Поднепровья см.: Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976, с. 56—84; Баран В. Д.

Сопки, как своеобразный тип погребального памятника, сформировались непосредственно на территории Новгородской земли и, что важно подчеркнуть, именно в период славянского расселения. В. В. Седов справедливо заключил, что «конструкция сопки настолько оригинальна, что, бесспорно, не связана с местными погребальными сооружениями прибалтийско-финских племен».⁷⁸ И в иных областях мы не знаем памятников, с которыми сопки находились бы в генетической связи. В Верхнем Поднепровье и на Верхней Оке известны большие курганы третьей четверти I тыс. н. э., сближающиеся с сопками по размерам (высота до 5 м), форме и расположению (либо по одному, либо небольшими группами из нескольких насыпей).⁷⁹ П. Н. Третьяков предположил, что эти курганы и дали начало традиции сооружения повгородских сопок.⁸⁰ Против этой мысли возражал В. В. Седов, но ее считает «продуктивной» Г. С. Лебедев.⁸¹ Во всяком случае этот вопрос не разработан, а как его следует решать, неясно.

Итак, во второй половине I тыс. н. э. в Приильменье, центральном районе Северной Руси, наиболее распространенными погребальными памятниками являлись насыпи культуры длинных курганов и сопки. Никакого особого пласта противостоящих им погребальных древностей, существование которых, в частности, предполагал И. И. Ляпушкин, в настоящее время неизвестно. Область, которую занимало население культуры длинных курганов, была гораздо обширнее, чем обычно предполагалось, и охватывала всю территорию лесной зоны Восточной Европы. Сам курганный обряд захоронения сформировался на этой же территории в VI—VII вв., сменив погребения в грунтовых могильниках. Население совершало захоронения как в длинных насыпях, так и в курганах иных типов, а в IX—X вв. круглые полусферические курганы стали господствующими. Районы распространения длинных курганов и сопок совмещались в Приильменье и в сопредельных районах, т. е. на части ареала культуры длинных курганов. Судя по имеющимся данным, сопки сооружались в VIII—X, частично даже в XI в., а насыпи культуры длинных курганов — в VI—X вв. Таким образом, если в дальнейшем датировка сопок не будет удревнена, то в Приильменье и в сопредельных районах представлено два пласта погребальных памятников, синхронных лишь частично.

Прослеживаются и определенные культурные и хозяйственные различия между двумя рассматриваемыми группами населения.

Славяне в середине I тысячелетия н. э. — В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978, с. 28, 29, 36; *Godlowski K. Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia słowian w V—VII w. n. e. Krakow, 1979.*

⁷⁸ Седов В. В. Новгородские сопки, с. 31.

⁷⁹ Носов Е. Н. Источники по славянской колонизации..., с. 231—234.

⁸⁰ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, с. 284, 285.

⁸¹ Седов В. В. Новгородские сопки, с. 33; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники..., с. 64.

Это различия в территории распространения, топографии, размещении внутри микрорегионов, связи с поселениями, погребальном обряде и конструкции погребальных сооружений, материальной культуре. Вместе с тем нельзя отрицать и некоторые параллели между культурами сопок и длинных курганов, особенно на последнем этапе их сосуществования.

Если рассматривать носителей культуры сопок и длинных курганов в рамках славянского этногенеза, то можно поставить вопрос о ранней волне славянского расселения, приведшей в сложном процессе взаимодействия с различными группами балтского и финно-угорского населения к формированию культуры длинных курганов, характеризующейся достаточно разнородными компонентами материальной культуры, и о более поздней и несколько иной по составу волне славянской колонизации, связанной в конечном итоге с населением, соорудившим сопки.

Большой интерес представляет вопрос о дальнейшей эволюции погребальных сооружений населения, возводившего сопки и насыпи культуры длинных курганов.

Первые общие соображения по поводу памятников, сменивших сопки, высказал А. А. Спицын. В своем «Обзрении» археологических древностей Новгородской губернии 1897 г. Спицын полагал, что сопки — «древнейшие курганы края» — сменились курганами с сожжениями и с труположениями («такие курганы, быть может, составляют крайнее перерождение сопок»), а с принятием христианства сопки исчезают, «переродившись» в каменные могилы — жальники.⁸²

В 1899 г. Н. К. Рерих обратил внимание на то, что в южном Приильменье отсутствуют курганы как с трупосожжением, так и с труположением, при наличии сопок и небольшого числа жальников. На основании этого Рерих заключил, что «на северной возвышенности Старорусского уезда погребения типа сопок сразу сменились жальничными погребениями, без переходных типов невысоких насыпей, быть может, вследствие раннего распространения в этой местности христианства».⁸³ А. А. Спицын также учел данный факт: «Весьма любопытно то, что в Старорусском уезде, в одном из центров Новгородской области, наблюдается крутой и прямой переход от сопок к жальникам. Курганы средней величины с сожжением и с погребением здесь, кажется, вовсе нет. В других местностях древних новгородских земель такие курганы есть, и местами они доходят даже до XII—XIV вв., после чего совершенно исчезают, уступая место жальникам».⁸⁴

Последующие полевые изыскания показали крайнюю малочисленность древнерусских курганов в центральных районах Новгородской земли, что косвенно подтверждало замечания

⁸² Спицын А. А. Обзорение..., с. 239—244.

⁸³ Рерих Н. К. Некоторые древности..., с. 352.

⁸⁴ Спицын А. А. Сопки и жальники, с. 154.

Н. К. Рериха и А. А. Спицына о памятниках южного Приильменья.⁸⁵ К сожалению, «в дальнейшем интересная гипотеза Спицына — Рериха, — как справедливо отметили Г. С. Лебедев и А. Е. Рябинин в статье 1978 г., — оказалась прочно забытой».⁸⁶

В новейшем своде сопок В. В. Седов вообще не касается вопроса о возможном, согласно предположению Н. К. Рериха и А. А. Спицына, непосредственном переходе от сопок к жальникам. По его мнению, сопки были сменены курганами. «Как правило, сопки и курганы новгородцев 9—13 вв., — пишет Седов, — расположены в одних могильниках. И те и другие имеют в основаниях кольцо из камней. В сопках и курганах тождественны все детали погребальной обрядности, одинаков состав вещевых находок. Можно констатировать преемственность между керамической сопок и новгородской глиняной посудой 9—10 вв.»⁸⁷

Все же эти положения еще недостаточно обоснованы. Критические замечания по поводу точки зрения В. В. Седова высказал В. Я. Конецкий. Он считает выводы Седова о генетической преемственности сопок и полусферических курганов с трупосожжением во многом спорными, поскольку: «1) районы концентрации сопок и полусферических курганов не совпадают; 2) группы, содержащие и сопки, и полусферические курганы, составляют не более 25% от общего количества могильников с сопками; 3) в полусферических курганах с трупосожжением каменные кольца в основаниях насыпей неизвестны».⁸⁸

В 1978 г. Г. С. Лебедев и Е. А. Рябинин вновь привлекли внимание исследователей к возможности непосредственной связи сопок и жальников. Авторы поддержали точку зрения Спицына — Рериха и попытались дополнительно обосновать ее выделением памятников «переходного типа, т. е. комплексов, в которых сочетались бы черты и сопочного и жальничного обряда».⁸⁹

Если общая мысль авторов об эволюции погребального обряда в центре Новгородской земли, по нашему мнению, правильна, то с заманчивым на первый взгляд выделением особых «переходных памятников» от сопок к жальникам согласиться нельзя, на что мы специально обратили внимание в совместной статье с В. Я. Конецким.⁹⁰

В качестве «переходных памятников», где сочетались бы черты и сопочного и жальничного обряда, Г. С. Лебедев и Е. А. Рябинин указали известный Юрьевский жальник в бассейне вер-

ней Мсты и так называемые «каменные круги». Авторы провели реконструкцию Юрьевского жальника по весьма путаному его описанию новгородским краеведом В. С. Передольским, раскопавшим жальник в конце XIX в. В 1979 г. мы совместно с В. Я. Конецким предприняли новые исследования памятника. Было установлено, что Юрьевский жальник — это отнюдь не уникальный «переходный памятник», а курган второй половины I тыс. н. э. с остатками трупосожжений, на котором и рядом с которым в более позднее время был устроен жальник. В. С. Передольский при своих работах совершенно не разобрался в исследуемом памятнике.⁹¹ Наши раскопки полностью подтвердили оценку Юрьевского жальника А. А. Спицыным, которую он дал в оставшемся неопубликованном варианте обозрения археологических древностей Новгородской губернии. Передольский, как считал Спицын, раскопал курган, который был занят «поздним жальником с каменными кладками, что чрезвычайно мешало раскопке и сделало ее весьма неточной». «Жальничные погребения, — отмечал Спицын, — иногда располагаются на широких плоских древних курганах, и это нередко вводило исследователей в заблуждение, если они предполагали, что имеют дело с одним цельным памятником древности. В такую ошибку, между прочим, впал В. С. Передольский со своим „Юрьевским жальником“».⁹²

«Каменные круги» — загадочные сооружения из крупных валунов — достоверно зафиксированы сейчас лишь в нескольких пунктах южного Приильменья. К настоящему времени раскопано лишь два «каменных круга» у деревень Подгощи и Солоницко.⁹³ Их интерпретация неясна. Обычно эти памятники датируются III—VIII вв. и сближаются в литературе с каменными могильниками эстов.⁹⁴ При такой датировке «каменные круги» никак не могут сменять сопки и нет никаких оснований считать их «переходными памятниками» от сопок к жальникам.

Топографически «каменные круги» и сопки обычно находятся поблизости друг от друга. Это говорит о том, что между этими типами сооружений существует определенная взаимосвязь. Ее характер пока неясен. Как показали обследования В. Я. Конецкого и В. В. Милькова, «каменные круги» сохранились в южном Приильменье до наших дней. Конецкий начал исследования «каменного круга» у д. Коломо. Надо думать, что новые раскопки позволят, наконец, разобраться в характере этих древних соору-

⁸⁵ Конецкий В. Я., Носов Е. Н. Юрьевский жальник и некоторые вопросы формирования древнерусских погребальных памятников Новгородской земли. — КСИА, 1982, в. 171.

⁸⁶ Лебедев Г. С., Рябинин Е. А. Сопки и жальники, с. 153.

⁸⁷ Седов В. В. 1) Славяне и племена юго-восточного региона..., с. 17; 2) Новгородские сопки, с. 31, 32.

⁸⁸ Конецкий В. Я. К вопросу о сопках..., с. 84, 85.

⁸⁹ Лебедев Г. С., Рябинин Е. А. Сопки и жальники, с. 152—153.

⁹⁰ Конецкий В. Я., Носов Е. Н. Юрьевский жальник...

⁹¹ Там же.

⁹² Спицын А. А. Сводка сведений о древностях Новгородской губ. — Архив ЛОИА, ф. 5, д. 171, л. 9, 9 об., 18.

⁹³ Alexandrov V. V., Tallgren A. M. Funde aus der römischen Eisenzeit im Gowg. Novgorod. — ESA, 1930, t. V, S. 100—108.

⁹⁴ Ibid., S. 107; Шмидехельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, с. 220; Седов В. В. Новгородские сопки, с. 17.

жений и уверенно судить о их месте среди археологических памятников Новгородской земли.

Неубедительность выделения Г. С. Лебедевым и С. А. Рябиным «каменных кругов» и Юрьевского жальника в качестве «памятников переходного типа» от сопок к жальникам отметили также С. В. Белецкий и Г. Н. Пронин в обзоре последних работ по археологии Северо-Запада России.⁹⁵

Не соглашаясь с оценкой рассмотренных памятников как «переходных», мы ни в коей мере не отрицаем исторической преемственности населения, соорудившего сопки и жальники. В пользу этого явно свидетельствует массовое распространение в центральных районах Новгородской земли сопок и жальников при наличии отдельных курганных групп древнерусского времени.⁹⁶ О взаимосвязи сопок и жальников говорит и то, что многие жальники находятся непосредственно рядом с сопками, а в некоторых из них среди захоронений открыты погребения XI—XII вв. Если учесть, что наиболее поздние погребения в сопках относятся к X и даже к XI в.,⁹⁷ то, следовательно, хронологический разрыв между трупосожжениями в сопках и трупоположениями в жальниках по существу отсутствует.

Еще в дореволюционный период в низовьях Волхова у с. Михаил-Архангел Н. Е. Бранденбург,⁹⁸ на Нередицком холме близ Новгорода А. А. Спицын⁹⁹ и у д. Федово на верхней Мсте — А. А. Ширинский-Шихматов¹⁰⁰ зафиксировали при сопках грунтовые могильники древнерусского времени с погребениями по обряду трупоположения. В последние годы на изучение грунтовых могильников у сопок специальное внимание обратил В. Я. Конецкий. Он заново проанализировал материалы Федовского и Нередицкого могильников.¹⁰¹ На месте Нередицкого могильника, разрушенного в 1916—1917 гг., сделана попытка отыскать, возможно, сохранившиеся захоронения. К сожалению, удалось обнаружить лишь остатки насыпи и ровик сопки, рядом с которой находился могильник.¹⁰²

В нижнем течении р. Ловати у д. Шелгуново В. Я. Конецким впервые открыт грунтовый могильник, древнейшие захоронения

⁹⁵ Белецкий С. В., Пронин Г. Н. Проблемы этнической истории Северной Руси. — СА, 1980, № 1, с. 332.

⁹⁶ Малочисленность древнерусских курганов в Приильменье иллюстрирует карта могильников XII—XIV вв., опубликованная В. В. Седовым (Этнический состав населения Новгородской земли. — В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979, с. 79, рис. 3).

⁹⁷ Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы... с. 54.

⁹⁸ Бранденбург Н. Е. Курганы южного Приладожья. — МАР, 1895, № 18, с. 139—141.

⁹⁹ См.: Конецкий В. Я. Нередицкий могильник. — КСИА, 1981, в. 164.

¹⁰⁰ Ширинский-Шихматов А. А. Федовский могильник. — Труды II областного Тверского археол. съезда, Тверь, 1906, с. 53—62.

¹⁰¹ Конецкий В. Я. 1) Хронология и этапы формирования Федовского могильника. — КСИА, 1981, в. 166; 2) Нередицкий могильник.

¹⁰² Конецкий В. Я. Исследование грунтовых могильников и сопок в Приильменье. — Археол. открытия 1979 г., М., 1980, с. 11, 12.

которого на вскрытом участке относятся к XII—XIII вв. При раскопках были обнаружены и остатки сопки.¹⁰³ Наиболее интересные результаты дали исследования Деревяницкого могильника в 6 км к северу от Новгорода, на берегу Волхова. Могильник XI—XIII вв. (вскрыто 83 погребения XI—XII вв.) был устроен на предварительно сnivelированной сопке.¹⁰⁴ Укажем также, что в 1974 г. рядом с одной из сопок в урочище Победище близ Старой Ладого В. П. Петренко обнаружил грунтовое погребение XI в., которое, по мнению автора, относилось к небольшому могильнику, располагавшемуся на краю коренного берега Волхова.¹⁰⁵

Таким образом, благодаря работам последних лет в центральных районах Новгородской земли сейчас все более отчетливо начинает проявляться пласт грунтовых могильников при сопках. В них представлены погребения XI—XIII вв. с богатым сопровождающим инвентарем, вполне сопоставимым с инвентарем древнерусских курганов. Как и в случае с жальниками, грунтовые могилы у сопок хронологически смыкаются с наиболее поздними сопочными погребениями по обряду трупосожжения. Грунтовые захоронения и жальничные могилы начала II тыс. н. э., безусловно, нельзя рассматривать обособленно, а их появление при сопках, видимо, является результатом одного и того же процесса изменения погребальной обрядности. Все, что отличает данные категории могильных древностей, — это наличие или отсутствие каменных обкладок над ними. Возникновение же обычая обкладывать захоронения сверху камнями можно объяснить по-разному.

Интересные наблюдения, которые помогают понять появление традиции совершения грунтовых захоронений при сопках, сделал В. П. Петренко при раскопках в Старой Ладого. В полах ряда исследованных им сопок, с внешней стороны каменных обкладок насыпей, были зафиксированы погребения по обряду трупосожжения. «Таким образом, есть достаточно оснований предполагать, — заключил Петренко, — что обычай совершать грунтовые трупоположения рядом с сопками восходит к более раннему времени». По его мнению, «у истоков этой традиции находился обычай помещать погребения — остатки сожжения на стороне — вокруг каменной обкладки, под полами или в полах сопок. Хронология могильников не противоречит высказанному предположению».¹⁰⁶

Говоря о непосредственном переходе от сопок к жальничным и грунтовым погребениям при сопках, мы имеем в виду только самые центральные районы Новгородской земли, прежде всего

¹⁰³ Там же, с. 12.

¹⁰⁴ Там же, с. 11; Конецкий В. Я., Верхорунова Т. Л. Работы Новгородского музея. — Археол. открытия 1978 г., М., 1979, с. 16, 17.

¹⁰⁵ Петренко В. П. Исследования погребальных памятников... с. 32.

¹⁰⁶ Петренко В. П. Сопка у с. Михаила-Архангела... с. 75.

Приильменье, — территории массового распространения сопок. В соседних областях появление жалыничных могил началось в основном в XIII в. и представляло собой деградацию курганного обряда XI—XII вв.

Как показывают последние исследования, население культуры длинных курганов с момента появления курганного обряда сооружало насыпи и круглой, и длинной формы. Постепенно длинные курганы в основном уступали место круглым насыпям.¹⁰⁷ На место последних, как выяснено для некоторых районов, пришли древнерусские курганы с труположением, хотя детально динамика этого процесса изучена еще очень плохо и неравномерно.

Важны наблюдения Н. В. Хвоцинской над соотношением указанных типов памятников в бассейнах рек Желчи и Черной, впадающих в Чудское озеро с востока. В этом районе, как установил автор, «фактически все раскопанные насыпи с захоронениями начальной стадии курганов с труположениями находились в одних могильниках с насыпями культуры длинных курганов». Хвоцинская пришла к выводу, что «в формировании здесь культуры древнерусского времени самое широкое участие приняло население культуры длинных курганов».¹⁰⁸

В других районах Новгородской земли такое совместное нахождение насыпей культуры длинных курганов и древнерусских встречается гораздо реже. Здесь следует учитывать, что структура хозяйства населения в XI—XIII вв. и населения культуры длинных курганов в более ранний период была несколько различна. В древнерусское время основным занятием населения было земледелие и в то же время, судя по расположению могильников и поселений культуры длинных курганов псковско-новгородской группы, как мы отмечали, в хозяйстве этого населения второй половины I тыс. н. э. земледелие, независимо от формы, играло иную и, очевидно, меньшую роль. Возможно, именно в связи с этим в начале II тыс. н. э. поселения переносились в места, более удобные в первую очередь для пашенного земледелия, а соответственно устраивались и новые кладбища.

К. М. Плоткин, проанализировав археологические памятники в окрестностях Пскова и в низовьях р. Великой, заключил, что «курганы с погребениями по обряду труположения не характерны для региона. Это объясняется ранним переходом от курганов к жалыничным погребениям, который происходит в течение XI в.».¹⁰⁹ Таким образом, процесс сложения древнерусских

¹⁰⁷ Седов В. В. Длинные курганы кривичей, с. 36—39; Хвоцинская Н. В. Западные районы Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э. (по материалам погребальных памятников). — Автореф. канд. дисс. Л., 1978, с. 14; Аун М. Курганные могильники..., с. 93, 94; Плоткин К. М. Псков и его округа..., с. 4, 5.

¹⁰⁸ Хвоцинская Н. В. Западные районы..., с. 15.

¹⁰⁹ Плоткин К. М. Псков и его округа..., с. 5.

памятников на территории Новгородской земли был достаточно сложен и многообразен.

И наконец, в формировании древнерусской курганной культуры XI—XIII вв. Новгородской земли значительную роль сыграло не только население, обитавшее здесь во второй половине I тыс. н. э., но и непрекращавшийся приток населения из центральных районов Древней Руси.

Немаловажное значение для понимания этнических процессов, проходивших в начале II тыс. н. э. на территории Новгородской земли, представляет оценка нескольких тысяч курганов с труположениями XI—XIV вв. из многочисленных могильников северо-западных земель Великого Новгорода, издревле заселенных финно-угорскими племенами води и ижоры до прихода сюда славян.

«Основную область расселения води в конце I тыс. н. э., — писал П. Н. Третьяков, — можно точно определить по северной границе распространения славянских древностей этого времени» — сопок и длинных курганов. Эти памятники занимают верховья Луги, вплоть до района озер Брево и Черменецкое, верховья Плюсы, бассейны рек, впадающих с юго-востока в Чудское озеро (Желчи, Черной), и не достигают берегов Финского залива на участке в 100—150 км.¹¹⁰

На этой территории, где нет курганных могильников конца I тыс. н. э., по существу нет и достоверно водских древностей этого времени. К ним исследователи обычно относили «могильник» у бывшей мызы Извара (бывш. Царкосельский уезд) и захоронение в лесу у д. Лисино в том же районе, раскопанное Н. К. Рерихом в конце XIX в.¹¹¹ Открытые Рерихом конструкции представляли собой странные скопления валунов (иногда это были лишь два камня), среди которых не было четко зафиксировано ни кальцинированных костей, ни погребального инвентаря, а лишь слой «чистой золы», покрывавший весь вскрытый раскопками лесной участок. У исследователей в последнее время возникали сомнения относительно интерпретации данных конструкций вообще как «археологических объектов».¹¹² Благодаря детальному

¹¹⁰ Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 147; Седов В. В. Этнический состав..., с. 207—209.

¹¹¹ Рерих Н. К. Экскурсия Археологического института 1899 г. в связи с вопросом о финских погребениях С.-Петербургской губернии. — Вестн. Археол. ин-та, 1900, т. XIII, с. 107, 108; Седов В. В. 1) Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). — СА, 1953, т. XVIII, с. 190—192, 202—204; 2) Новгородские сопки, с. 17, 18; Третьяков П. Н. У истоков..., с. 146, 147; Рябиниц Е. А. 1) Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X—XIV вв. — Автореф. канд. дисс. Л., 1974, с. 7; 2) Древности води и ижоры в Ленинградской области (историография вопроса). — В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 113—115; Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977, с. 152, 153.

¹¹² Рябиниц Е. А. Формирование средневековой русской культуры в Новгородской земле. — Тез. докл. советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. М., 1980, с. 81.

анализу архивных данных о раскопках Н. К. Рериха Н. В. Хвоцинская, по нашему мнению, достаточно убедительно показала, что «исследованный Н. К. Рерихом комплекс в имении Извары никакого отношения к археологическим памятникам и вообще к искусственным сооружениям не имеет. В лесу в каменистой местности Н. К. Рерихом были обнаружены разрозненно лежащие камни на обычном слое лесного подзола». То же касается и расположенной в лесу «могилы» у д. Лисино.¹¹³

На рубеже I и II тыс. н. э. славянское население начинает массовое освоение Ижорской возвышенности и районов северо-восточного Причудья, которое шло прежде всего с территорий, где ранее были распространены сопки и насыпи культуры длинных курганов. «В средневековую эпоху, — отмечал Е. А. Рябинин относительно Ижорской возвышенности, — она становится основной хлебной житницей Новгородского государства, на ее территории образуется плотный сгусток поселений (здесь зафиксировано свыше 10 тыс. погребальных комплексов XI—XIV вв.)».¹¹⁴

Массовые раскопки на Ижорском плато и в северо-восточном Причудье были проведены в XIX в. Л. К. Ивановским и В. Н. Глазовым. Их материалы детально проанализировал, обобщил и издал А. А. Спицын.¹¹⁵ Он полагал, что курганы с труположениями, появившиеся на рассматриваемых территориях, в XI и в основном в XII в. оставлены «русским» населением, хотя он и отмечал наличие в материальной культуре курганов финно-угорских элементов и допускал, что отдельные могильники могли быть оставлены группами местного финского населения (Мануйлово, Войносолово).¹¹⁶

В дальнейшем предложенная А. А. Спицыным общая трактовка курганных древностей данного района в значительной степени стала пересматриваться. В работах 20—30-х гг. некоторые исследователи (А. М. Таллгрэн, Х. А. Моора, В. И. Равдоникас), как и И. Р. Аспелин в XIX в., всецело отнесли курганы северо-западных земель Новгородской земли к древностям води.¹¹⁷

¹¹³ *Хвоцинская Н. В.* К вопросу о древних захоронениях води. — КСИА (в печати).

¹¹⁴ *Рябинин Е. А.* Формирование средневековой русской культуры... с. 80.

¹¹⁵ *Спицын А. А.* 1) Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, 1896, № 20; 2) Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. — МАР, 1903, № 29.

¹¹⁶ *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии... с. 37, 49.

¹¹⁷ *Tallgren A. M.* Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du nord. — ESA, Helsinki, 1928, III, S. 19, 20; *Moora H.* Wotische Altertümer aus Estland. — ESA, Helsinki, 1929, IV, S. 272—283; *Равдоникас В. И.* Ижорский могильник в Красногвардейске. — Сообщ. ГАИМК, 1932, № 11—12, с. 24—31. Историографические замечания по поводу этнической оценки курганных древностей северо-запада Новгородской земли см.: *Седов В. В.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). — СА, 1953, т. XVIII, с. 190—192; *Рябинин Е. А.* Древности води и ижоры в Ленинградской области (историография вопроса). — В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 113—115.

В. В. Седов в 1953 г., заново изучив весь курганный материал Ижорского плато и северо-восточного Причудья, выделил элементы материальной культуры, которые, по его мнению, являются этнокультурными признаками води и славян, и на этом основании разделил все могильники на славянские, водские и смешанные славяно-водские.¹¹⁸

В 1970 г. против точки зрения А. А. Спицына, признав ее якобы полностью ошибочной, выступил П. Н. Третьяков. Он охарактеризовал взгляды Спицына на оценку курганных древностей, исследованных Глазовым и Ивановским, как отражение «националистической тенденции». Главными представителями этой «славянской точки зрения» в археологии, отметил Третьяков, были И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, а среди историков Древней Руси она была представлена в трудах Д. И. Иловайского, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского. «Они, конечно, не отрицали, что в границах Древней Руси имелись местности с „инородческим“, финно-угорским населением, которое кое-где сохранялось до XIII—XIV вв., а местами и позднее», — писал Третьяков, — но «в неславянских племенах дореволюционные исследователи не видели субъекта истории. Они не интересовались их судьбой, отводили им пассивную, третестепенную роль в истории Руси».¹¹⁹

Касаясь «ошибочной», по его мнению, этнической оценки А. А. Спицыным могильников северо-западных земель Новгорода, П. Н. Третьяков отмечал, что «почти все эти курганы А. А. Спицын признал славянскими вопреки мнению финских археологов, относивших их к памятникам води». «Взгляды А. А. Спицына на средневековые курганы этой области, — констатировал далее Третьяков, — были пересмотрены. Такие исследователи, как Х. А. Моора, В. И. Равдоникас, В. В. Седов, пришли к выводу, что курганные древности XI—XIV вв., их немалую часть, нужно связать с коренным населением — водью и ижорой».¹²⁰ Таким образом, позиция Третьякова достаточно ясна: Спицын полностью неправ, курганные могильники или по крайней мере «немалая часть» этих могильников оставлены водью. Добавим, что, по мнению Третьякова, очень вероятно, что и жалыники «возникли и распространились на Северо-Западе как прямое наследие местного финно-угорского субстрата».¹²¹ Близких взглядов на этническую оценку принадлежности курганов Ижорского плато придерживаются и некоторые историки. «Курганы в Водской земле, надо

¹¹⁸ *Седов В. В.* Этнический состав... с. 190—229.

¹¹⁹ *Третьяков П. Н.* У истоков... с. 119. — Относя А. А. Спицына к числу сторонников «славянской точки зрения», П. Н. Третьяков ссылается на мнение А. В. Шмидта. Следует отметить, что, говоря о Спицыне как представителе «славянской точки зрения», Шмидт очень высоко оценивал его труды, подробно излагал его выводы, и в его статье нет никакой категоричности в их оценке (*Шмидт А. В.* Археологическое изучение древностей Севера СССР. — В кн.: Финно-угорский сборник. Л., 1928, с. 187, 214, 213—215, 218, 220).

¹²⁰ *Третьяков П. Н.* У истоков... с. 119, 122.

¹²¹ Там же, с. 151.

полагать, все же главным образом должны быть водскими», — отмечает И. П. Шаскольский в статье 1979 г.¹²²

Трудно согласиться с такой общей оценкой курганов XI—XIV вв. Ижорского плато и северо-восточного Причудья, как и с оценкой П. Н. Третьяковым взглядов А. А. Спицына.

Обширная статья В. В. Седова 1953 г. — единственное опубликованное, после работ А. А. Спицына и вплоть до наших дней, детальное обобщение всех курганных древностей Северо-Запада Новгородской земли. Важнейшим выводом Седова явилось выделение ряда категорий женских украшений, которые, как полагал автор, являются индикаторами этнической принадлежности погребенных — славян и води. При этом особое внимание уделялось Седовым такому водскому, по его мнению, украшению, как многобусинные височные кольца, которые бытовали в основном в XII—XIV вв. Наличие в захоронении многобусинного височного кольца — достаточное основание для отнесения погребения в число водских. При этом, следуя выводам Седова, по погребальному обряду курганы славян и води не различались.

Еще одним принципиальным выводом В. В. Седова, непосредственно вытекающим из первого, явилось признание того, что вода переняла у славян курганный обряд захоронения, причем в XIII в. число водских захоронений увеличивается по сравнению с XII в.

И если А. А. Спицын допускал, что финно-угорским населением могли быть оставлены два могильника на западной окраине Ижорского плато (Мануйлово и Войносолово), то В. В. Седов считал водскими 32 могильника, смешанными — 9 и славянскими — 107. Седов отмечал, что выводы, сделанные им на археологических материалах, подтверждаются и данными антропологии.¹²³

В литературе лишь С. А. Тараканова и Г. П. Гроздилов высказали замечания по поводу метода этнической диагностики и выводов В. В. Седова. В 1955 г. Тараканова заключила, что «В. В. Седов допустил неправильные методы» и выводы автора о наличии водских курганов среди древнерусских курганов XI—XIV вв. не могут быть в целом приняты. По ее мнению, анализ этих курганов показывает, что «ни по форме, ни по устройству курганных насыпей, ни по деталям погребального обряда данные курганы нельзя разделить на какие-либо отдельные группы и связать эти группы с различным в этническом отношении населением, в частности, с водой». Тараканова полагала, что многообразие в погребальном инвентаре курганов объясняется контак-

¹²² Шаскольский И. П. Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен юго-восточной Прибалтики в свете данных современной науки. — В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979, с. 46, 47.

¹²³ Седов В. В. 1) Этнический состав..., с. 193—229; 2) Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода. — КСИЭ, 1952, в. XV, с. 72—79.

тами местного славянского населения с финнами и балтами, а водскими памятниками были жальники.¹²⁴

Г. П. Гроздилов не согласился с выделением многобусинных височных колец и полых подвесок-уточек как типично водских украшений. Он их считал славянскими, указывая, что они есть и в ряде мест южных районов Псковской земли. «Число их могло бы быть больше, если учесть, что Гдовский уезд и окрестности бывш. Петербурга являются наиболее изученными... тогда как большие области Псковской и Новгородской земли остаются и до настоящего времени слабо изученными».¹²⁵

Замечания С. А. Таракановой и Г. П. Гроздилова нуждаются в проверке. Проблема дискуссионна. У нас также вызывает известные сомнения ряд наблюдений В. В. Седова.

«Ничего не получается, — пишет Седов, — и при рассмотрении погребального обряда в связи с этнически определяющими предметами украшений», т. е. погребальный обряд води и славян не различался.¹²⁶ С этим трудно согласиться. Показательно, что, как только мы обратимся к рассмотрению таких могильников, как Бегуницы на северо-западной окраине Ижорского плато и Залахтовье на восточном берегу Чудского озера, в материалах которых ярко прослеживаются финно-угорские элементы, мы сразу заметим наличие особенностей и в погребальном обряде, прежде всего в ориентировке погребений¹²⁷ (кстати, Залахтовье в работе 1953 г. В. В. Седов считал водским могильником). И даже более. В Бегуницах Е. А. Рябинин проследил «два обособленных „ядра“ погребений, связанных соответственно со славяно-русским и прибалтийско-финским этническим массивом». «На начальном этапе, — отмечает Рябинин, — оба коллектива сохраняют свою этнокультурную замкнутость, проявляющуюся как в погребальном обряде, так и в наборе вещевых материалов».¹²⁸ Но именно такой взаимосвязи обряда и инвентаря в могильниках, причисляемых В. В. Седовым к водским, и нет (отсутствием сведений об обряде это объяснить нельзя, так как курганы, раскопанные В. Н. Глазовым, прекрасно документированы).

¹²⁴ Тараканова С. А. Археологические памятники води. — Тез. докл. на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, с. 12.

¹²⁵ Гроздилов Г. П. Археологические памятники Старого Изборска. — Археол. сборник Гос. Эрмитажа, М.—Л., 1965, в. 7, с. 86.

¹²⁶ Седов В. В. Этнический состав..., с. 200.

¹²⁷ Рябинин Е. А. 1) Исследования в Ленинградской области. — Археол. открытия 1977 г., М., 1978, с. 32, 33; 2) Ижорская экспедиция. — Археол. открытия 1978 г., М., 1979, с. 33, 34; 3) Формирование средневековой русской культуры..., с. 84; Хвоцинская Н. В. 1) Западные районы..., с. 16—19; 2) Поселение восточного побережья Чудского озера (по материалам курганов у деревень Залахтовье и Калихновщина). — КСИЭ, 1976, в. 146, с. 18—23; 3) Погребения в грунтовых ямах в могильнике у д. Залахтовье. — В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 118, 119.

¹²⁸ Рябинин Е. А. Формирование средневековой русской культуры..., с. 81.

Предметы, относимые В. В. Седовым к этнически определенным водским вещам, кроме многобусинных височных колец, действительно являются финно-угорскими по своему происхождению, но их появление в курганах Новгородской земли можно объяснить и контактами славян с финноязычным населением.

Особое место в работе В. В. Седова уделено многобусинным височным кольцам. Височные кольца как тип украшений являются наиболее характерными для славян и не типичны для финно-угров. Нет их и у родственной воды эстов. Нельзя исключать появления у славянских групп на северо-западе Новгородской земли в конце XII—XIII в. особого типа височных колец — многобусинных, ведущих свое происхождение от близких им трех- и пятибусинных височных колец, широко известных у славян. В этой связи представляется верным общее замечание Е. А. Рябина о сложении на северо-западе Новгородской земли в XIII—XIV вв. своеобразной «областной» культуры, которая «не несет на себе заметной этнической нагрузки, являясь в первую очередь образованием территориального порядка».¹²⁹

Детальный анализ курганов Ижорского плато, конечно, дело специальных исследований, мы же хотим обратить внимание на необходимость их дальнейшей научной разработки.

На наш взгляд, основной массив курганов XI—XIV вв. на Ижорском плато и в северо-восточном Причудье был оставлен славянами, и лишь на самых окраинах курганного ареала в отдельных могильниках, возможно, хоронило своих умерших финно-угорское население (Мапуйлово, Войносолово, Бегуницы, Залахтовье). Наличие финно-угорских по своему происхождению предметов в культуре населения Новгородской земли в первую очередь объясняется его разнообразными контактами с финским миром.

Вполне справедлива общая оценка древностей рассматриваемого района Г. С. Лебедевым: «Курганные группы, насчитывающие десятки и сотни насыпей с остатками сожжений в самых ранних, типичны для славянского населения северо-запада Новгородской земли. Это деревенские кладбища, принадлежавшие одной или нескольким сельским общинам». Лебедев отмечает, что разнообразные украшения в женских погребениях «составляют этнографический узор словен», хотя в этом уборе немало и финно-угорских элементов.¹³⁰

Стремление увидеть во всех или в значительной части курганов XI—XIV вв. северо-западных районов Новгородской земли памятники воды связано с тем, что исследователи, прекрасно зная о наличии здесь финно-угорского населения по историческим данным, не могут найти его четкие археологические памятники. Вместе с тем погребениями водского населения этих райо-

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области, с. 142, 144, 151.

нов, видимо, являлись грунтовые захоронения, отыскать которые чрезвычайно сложно. Можно допустить, что некоторые из них будут открыты и в ареале курганов, но большая часть — за его пределами, в области, непосредственно примыкающей к южному побережью Финского залива.

В начале II тыс. н. э. грунтовые могильники получили распространение у эстонских племен, родственников воды.¹³¹ В грунтовых могильниках хоронила корела.¹³² Найдены невыразительные грунтовые могильники, которые исследователи обычно связывают с ижорой,¹³³ происшедшей, как полагают, «явно из недр карельского племени».¹³⁴

По нашему мнению, оценка А. А. Спицыным курганов северо-западных земель Великого Новгорода XI—XIV вв. как в своей основе «русских» могильников в целом правильна. Нельзя не учитывать роль финно-угорских племен в формировании древнерусской материальной культуры и народности, но не следует впадать и в обратную крайность, когда за вычлениением отдельных финно-угорских элементов теряется общее понимание целого пласта памятников.

Итак, первое появление славян на территориях бассейнов Ильменского и Чудского озер, занятых ранее достаточно редким финно-угорским населением, относится к третьей четверти I тыс. н. э. и фиксируется распространением многочисленных могильников культуры длинных курганов. Передвижение сюда нового населения происходило на стадии перехода от грунтовых могильников с трупосождениями к курганному обряду захоронения. Исходной областью для расселения являлись территории Верхнего Поднепровья и Подвинья, где в третьей четверти I тыс. н. э. были распространены памятники типа Тушемли-Акатова—Банцеровщины, которые представляли собой северную часть единого обширного массива так называемой колочинской культуры, среди носителей которой были славяне. Участие в многообразном процессе взаимодействия населения тушемлинской культуры, носителей роменско-боршевской культуры более южных районов, а также балтского населения привело к формированию в VIII—IX вв. смоленской группы длинных курганов. Севернее, где местным населением являлись финно-угорские племена, сложилась несколько иная ситуация, и здесь образовалась псковско-новгородская группа длинных курганов. Расселение первых славянских групп в слабоосвоенных областях дремучих лесов и малоплодородных почв определило своеобразие

¹³¹ Селиранд Ю. Могильные памятники 11—13 вв. в материковой Эстонии. — Автореф. канд. дисс., Таллин, 1966, с. 13—16; Selirand J. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11.—13. sajand). Tallinn, 1974, lk. 64—85, 219.

¹³² Schwindt Th. Tietoja karjalan rautakaudesta. — SMYA, 1893, XIII.

¹³³ Седов В. В. Этнический состав..., с. 200—202.

¹³⁴ Шаскольский И. П. Проблемы этногенеза..., с. 46; Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

хозяйственной деятельности населения. Такие городские центры Северной Руси, как Псков и Изборск, во многом сформировались на основе северной группы длинных курганов.

В Ильменском бассейне и сопредельных районах в последней четверти I тыс. н. э. появился особый тип погребальных сооружений — сопки. Они были оставлены продвинувшимися сюда новыми славянскими группами. Носители культуры сопок составляли основную часть жителей Ладоги VIII—X вв. и поселений района истока Волхова. Материальная культура подобного типа представлена в нижних слоях Новгорода. В конце I тыс. н. э. наблюдается процесс интеграции культуры сопок и северной группы длинных курганов.

На базе культуры сопок складывается древнерусская материальная культура центральных районов Новгородской земли, представленная грунтовыми могильниками и жальниками. Появление жальников XI—XII вв. на территориях за пределами области распространения сопок, видимо, связано с проникновением сюда населения из Приильменя. На смену насыпям культуры длинных курганов пришли древнерусские курганы с труположениями, которые также в XIII—XIV вв. стали уступать место жальникам.

Вместе с тем на территорию Новгородской земли не прекращался приток нового населения из центральных районов Древней Руси и из западнославянских земель. Такова, с нашей точки зрения, наиболее вероятная схема славянского расселения на территории Новгородской земли в том виде, как она может быть представлена на современном этапе изучения археологических памятников Северной Руси.